

КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

**АРХЕТИПЫ И КОЛЛЕКТИВНОЕ
БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Карл Юнг

**Архетипы и коллективное
бессознательное**

«Издательство АСТ»

1960

УДК 159.9
ББК 88.3

Юнг К. Г.

Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг —
«Издательство АСТ», 1960 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-117179-7

Данный том включает в себя наиболее известные работы «Архетипы коллективного бессознательного», «Концепция коллективного бессознательного» и «Психологические аспекты архетипа матери». В этих работах автор развивает основные положения аналитической психологии, подробно раскрывая перед читателем ключевые понятия своей теории и свой метод в целом. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-17-117179-7

© Юнг К. Г., 1960
© Издательство АСТ, 1960

Содержание

I. Архетипы коллективного бессознательного	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Карл Густав Юнг

Архетипы и коллективное бессознательное

C. G. Jung

DIE ARCHETYPEN UND DAS KOLLEKTIVE UNBEWUSSTEN —

Archetypes and the Collective Unconscious (Collected Works, Volume 9.1)

Перевод с немецкого А. Чечиной

Печатается при содействии литературного агентства Paul & Peter Fritz Agency.

© Walter Verlag AG, Olten, 1971

© Foundation of the Works of C. G. Jung, Zürich, 2007

© Перевод. А. Чечина, 2018

Школа перевода В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский психолог, психотерапевт, философ, социолог и культуролог – один из выдающихся ученых XX столетия, ученик Зигмунда Фрейда, основоположник аналитической психологии и психотерапии, основатель Швейцарского общества практической психологии.

I. Архетипы коллективного бессознательного

1

¹ Гипотеза о коллективном бессознательном принадлежит к классу тех научных идей, которые поначалу кажутся странными, но быстро превращаются в хорошо известные и привычные концепции. Именно это произошло с понятием бессознательного в целом. Так, философская идея бессознательного, преимущественно сформулированная Карусом и фон Гартманом, сперва бесследно исчезла, захлестнутая волной моды на материализм и эмпиризм, а затем вновь появилась, но уже в области медицинской психологии.

² Изначально предполагалось, что содержание бессознательного включает лишь вытесненные или забытые элементы. Даже у Фрейда, который рассматривает бессознательное – по крайней мере метафорически – в качестве действующего субъекта, оно, по сути, остается не чем иным, как скоплением забытых и вытесненных содержаний, что и обуславливает его функциональную значимость. С этой точки зрения бессознательное носит исключительно личный характер², хотя даже Фрейд признавал наличие в нем архаических и мифологических мысленных форм.

³ Более или менее поверхностный слой бессознательного, несомненно, является личным. Я называю его *личным бессознательным*. Однако личное бессознательное покоится на другом, более глубинном слое, который формируется отнюдь не из личного опыта. Этот врожденный глубинный слой я называю *коллективным бессознательным*. Я выбрал термин «коллективный», ибо эта часть бессознательного имеет не индивидуальную, а всеобщую природу; в противоположность личной составляющей психики, она включает содержания и модели поведения, которые встречаются повсюду и у всех индивидов. Другими словами, коллективное бессознательное одинаково у всех людей, образуя тем самым универсальный психический субстрат сверхличной природы, который присутствует в каждом из нас.

⁴ О психической жизни человека можно судить лишь по тем ее элементам, которые способны *проникнуть в сознание*. Следовательно, мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой можем продемонстрировать его содержание. Содержание личного бессознательного главным образом составляют так называемые *эмоционально окрашенные комплексы*, образующие личную и интимную стороны психической жизни. Содержание коллективного бессознательного, напротив, представлено так называемыми *архетипами*.

⁵ Термин «архетип» встречается уже у Филона Александрийского³ в контексте *Imago Dei* (образа Божьего) в человеке. Также его можно обнаружить у Ириней Лионского: «...миротворитель сотворил их не от самого себя, но заимствовал из чужих первообразов»⁴. В *Corpus*

¹ [Впервые очерк опубликован в 1934 г. в журнале *Eranos-Jahrbuch*. В переработанном виде вошел в сборник *Von den Wurzeln des Bewusstseins* (Цюрих, 1954).]

² В более поздних работах Фрейд разграничивает инстинктивную составляющую психики «ид» и коллективное сознание «супер-эго», в рамках которого индивидуальное носит частично сознательный и частично бессознательный характер (так как подавляется).

³ *De opificio mundi*, I, § 69. [Перевод на рус. яз. см.: Филон Александрийский. *О сотворении мира согласно Моисею*. – Примеч. пер.]

⁴ *Adversus haereses*, кн. II, гл. 7, абз. 5: «Mundi fabricator non a semetipso fecit haec, sed de alienis archetypis transtulit». [Перевод на рус. яз. см.: Ириней Лионский. *Против ересей*. – Примеч. пер.]

*Hermeticum*⁵ Бог представлен как τὸ ἀρχέτυπον φῶς (архетипический свет). Понятие архетипа несколько раз встречается у Дионисия Ареопагита, например в его сочинении «De caelesti hierarchia» (II, 4; «нематериальные архетипы»⁶) и в сочинении «De divinis nominibus» (I, 6; «архетипический камень»⁷). Хотя Блаженный Августин само слово «архетип» не употребляет, в своем трактате «De diversis quaestionibus LXXXIII» он говорит об *ideae principales*, которые представляют собой «некие первичные формы или замыслы вещей... сами не получившие форму... и заключены они в Божественном разумении»⁸. «Архетип» – объяснительная парафраза платоновского εἶδος. Для наших целей использование термина «архетип» в высшей степени уместно и целесообразно: он подразумевает, что, говоря о содержании коллективного бессознательного, мы имеем в виду древнейшие или, лучше сказать, первозданные элементы этого содержания, то есть универсальные образы, существующие с незапамятных времен. К содержанию бессознательного равно применим и термин «représentations collectives» (*фр.* – «коллективные представления»), предложенный Леви-Брюлем для обозначения символических фигур в первобытном представлении о мире и подразумевающий практически то же самое. Примитивные родоплеменные знания тесно связаны с архетипами, видоизмененными особым образом. Это уже не элементы бессознательного; они превратились в осознаваемые формулы, которые по традиции передаются в виде тайных учений. Последние представляют собой типичное средство выражения коллективных содержаний, берущих начало в бессознательном.

⁶ Другим распространенным выражением архетипов являются мифы и сказки. Впрочем, и здесь мы имеем дело со специфическими формами, которые передавались от поколения к поколению достаточно длительный период времени. Таким образом, термин «архетип» применим к «représentations collectives» лишь косвенно, ибо обозначает только те элементы психического содержания, которые еще не подверглись какой-либо сознательной обработке и, следовательно, представляют собой непосредственную психическую данность. В этом смысле архетип как таковой существенно отличается от формул, возникших в ходе исторического развития. В частности, на высших уровнях тайных учений форма, в которой предстают архетипы, свидетельствует о решающем влиянии их сознательной переработки. Непосредственные манифестации архетипов, с которыми мы сталкиваемся в сновидениях и видениях, более индивидуальны, менее понятны и более наивны, чем, например, в мифах. Это происходит потому, что архетип – а именно бессознательное содержание, которое изменяется в результате осознания и восприятия, – приобретает особый оттенок под влиянием того индивидуального сознания, в котором возникает⁹.

⁷ Если формальное значение слова «архетип» явственно проступает в его связях с мифом, тайным учением, сказкой, то установить, что такое архетип с *психологической* точки зрения, гораздо сложнее. До сих пор мифологи опирались на солярные, лунарные, метеорологические и другие подобные представления. При этом никто не обращал внимания на то, что

⁵ Scott, *Hermetica*, I, стр. 140.

⁶ Migne, *P.G.*, vol. 3, col. 144.

⁷ Там же, col. 595. См.: *The Divine Names* (пер. Rolt), стр. 62, 72.

⁸ Migne, *P.L.*, vol. 40, col. 30. В аналогичном смысле термин «архетип» использовался алхимиками, например в «Tractatus aureus» Гермеса Трисмегиста (*Theatrum chemicum*, IV, 1613, стр. 718): «Как Бог [хранит] все сокровища своего божественного разума... в себе как в сокровенном архетипе [*in se tanquam archetypo absconditum*]... так и Сатурн скрывает в себе подобия металлических тел». В «Tractatus de igne et sale» Вигенеруса (*Theatr. chem.*, VI, 1661, стр. 3) говорится, что мир «ad archetypum sui similitudinem factus» (сотворен по подобию своего архетипа), а потому называется «magnus homo» («homo maximus» Сведенборга).

⁹ Необходимо различать «архетип» и «архетипические идеи». Архетип как таковой представляет собой гипотетическую, недоступную представлению модель, схожую с «паттерном поведения» в биологии. См.: *О природе психе*, разд. 7.

мифы – это прежде всего психические явления, обнажающие естество нашей души. Первобытный человек не склонен к объективному описанию очевидного, однако испытывает настоятельную потребность – точнее, его бессознательному свойственно непреодолимое стремление – уподобить весь внешний опыт внутренним, психическим событиям. Ему недостаточно просто видеть, как встает и заходит солнце, – эти внешние наблюдения должны стать психическими событиями, то есть движение солнца должно представлять судьбу бога или героя, обитающего, по сути, в самой человеческой душе. Все мифологизированные естественные процессы, такие как лето и зима, фазы луны, сезоны дождей и так далее, есть не столько аллегория¹⁰ объективных явлений, сколько символические выражения внутренней бессознательной драмы, доступной человеческому сознанию через проекцию, то есть отражение в явлениях природы. Такая проекция носит столь фундаментальный характер, что потребовалось несколько тысяч лет, чтобы хоть как-то отделить ее от внешнего объекта. Так, астрологию, эту древнейшую «scientia intuitiva», объявили лженаукой, ибо ее сторонники ставили психологическое описание характера в зависимость от звезд. Этот предрассудок жив и по сей день. Тем не менее каждый, кто способен исчислить гороскоп, должен знать, что со времен Гиппарха Александрийского точкой весеннего равноденствия считается 0° Овна. Следовательно, знаки зодиака, на которых основывается любой гороскоп, весьма произвольны, поскольку с тех пор эта точка сместилась в силу прецессии к началу Рыб.

⁸ Учитывая поразительную субъективность первобытного человека, нам давным-давно следовало догадаться, что мифы относятся к сфере психического. Его знания природы по сути представляют собой язык и внешние проявления бессознательного психического процесса. Именно в силу этой бессознательности при толковании мифов человек обращался к чему угодно, но только не к психическому. Он просто не знал, что психика содержит в себе все те образы, которые дали начало мифам, и что наше бессознательное является одновременно действующим и претерпевающим действия субъектом, внутреннюю драму которого первобытный человек по аналогии обнаруживал в природных явлениях – как больших, так и малых¹¹.

⁹ «В твоей груди, и только в ней, заключены все звезды твоей судьбы»¹², – говорит Илло Валленштейну. Пожалуй, это изречение могло бы удовлетворить всех астрологов, если бы мы хоть немного знали о тайнах сердца. К несчастью, до сих пор наши знания этого предмета были крайне ограничены. Я даже не решусь утверждать, что сегодня ситуация изменилась в лучшую сторону.

¹⁰ Родоплеменные знания всегда священны и опасны. Все тайные учения стремятся постичь невидимые психические события, и все они претендуют на высший авторитет. Еще в большей степени это справедливо по отношению к господствующим мировым религиям. Они содержат изначально сокровенное знание и представляют тайны души с помощью величественных образов. Их храмы и священные писания провозглашают в образе и слове освященную древностью доктрину, делая ее таким образом доступной каждому верующему сердцу, каждому чуткому глазу, каждому, даже самому дальнему, уголку человеческого разума. На самом деле мы вынуждены признать, что чем прекраснее, величественнее, полнее этот передаваемый

¹⁰ Аллегория – перефразирование осознаваемого содержания; символ – наилучшее возможное выражение неосознаваемого содержания, о природе которого можно только догадываться, ибо оно еще не известно.

¹¹ См. мои очерки о божественном ребенке и Коре, включенные в полное издание, а также сопутствующие эссе Кереньи в сборнике *Einführung in das Wesen der Mythologie*.

¹² [Шиллер Ф. Пикколомини. II, 6. – Здесь и далее приводятся примечания редактора к изданию на немецком языке.]

традицией образ, тем дальше он от индивидуальных переживаний. Мы можем лишь ощупью найти путь к нему, что-то почувствовать, но изначальный опыт давно утрачен.

¹¹ Почему психология является самой молодой из эмпирических наук? Почему бессознательное не было уже давно открыто, а его сокровищница вечных образов – поднята на поверхность? Именно потому, что для всего психического мы имели религиозную формулу, причем намного более стройную и всеохватывающую, нежели непосредственный опыт. Хотя для многих христианское видение мира поблекло, сокровищницы символов Востока по-прежнему полны чудес, которые еще долго смогут питать нашу страсть к зрелищам и новым нарядам. Кроме того, эти образы – будь они христианскими, буддистскими или еще какими-нибудь – красивы, таинственны, интуитивны. Конечно, чем привычнее они для нас, тем сильнее они стираются от постоянного употребления; в результате от них остается лишь банальная внешняя оболочка и почти лишенная смысла парадоксальность. Таинство Непорочного Зачатия, единственность Отца и Сына или Троица, не являющаяся тем не менее простой триадой, больше не окрыляют фантазию философов. Они превратились в собственно предметы веры. Отсюда неудивительно, что верующий разум и философские измышления образованных европейцев тяготеют к восточной символике – поистине грандиозным индийским представлениям о божественном и безднам философии китайского даосизма. Точно так же сердце и разум античного человека были захвачены в свое время христианскими идеями. Сейчас немало европейцев, которые настолько поддались влиянию христианской символики, что у них не развился кьеркегоровский невроз, или которые, в силу обеднения символики, трансформировали свое отношение к Богу в отношение «Я – Ты», чтобы затем пасть жертвой магии и новизны восточных символов. Подобное отречение не обязательно означает поражение; скорее, оно доказывает восприимчивость и жизнеспособность религиозного чувства. Нечто похожее мы наблюдаем у образованных представителей Востока, которых нередко привлекают христианские символы и столь чуждая восточному духу европейская наука. Многие даже демонстрируют их завидное понимание. Тяга к вечным образам абсолютно нормальна, для этого они и существуют. Они должны привлекать, убеждать, очаровывать, подавлять. Они сотканы из изначального откровения и отражают уникальный опыт божественного. Вот почему они наделяют человека предощущением божественного, одновременно оберегая от непосредственного его переживания. Благодаря усилиям, которые предпринимал человеческий дух на протяжении столетий, эти образы, с одной стороны, запечатлены во всеохватывающей системе мышления, стремящейся упорядочить окружающий мир, а с другой – представлены могущественным, обширным, авторитетным институтом под названием Церковь.

¹² Лучше всего я могу проиллюстрировать вышесказанное на примере недавно канонизированного швейцарского мистика и отшельника, брата Николая из Флюэ¹³. Вероятно, его важнейшим переживанием было так называемое видение Святой Троицы, которое он изобразил – или попросил изобразить – на стене своей кельи. Рисунок (его до сих пор можно увидеть в приходской церкви Заксельна) представляет собой разделенную на шесть частей мандалу, в центре которой находится коронованный лик Божий. Сегодня известно, что брат Николай исследовал природу своего видения с помощью иллюстрированной брошюры какого-то немецкого мистика. Много лет он занимался тем, что старался придать своим переживаниям более или менее понятную форму. Я называю это «проработкой» символа. Размышления брата Николая о сущности видения, выраженное влияние на которые оказали мистические диаграммы, использованные им в качестве отправной точки, привели его к выводу, что он, должно быть, узрел

¹³ См. мой очерк «Brother Klaus».

саму Святую Троицу – *similitudo bonitatis*, вечную любовь. Такое истолкование подтверждает и «подчищенное» изображение, которое поныне можно увидеть в Заксельне.

¹³ Первоначальный опыт, однако, носил абсолютно иной характер. То, что увидел брат Николай, оказалось настолько ужасным, что его собственное лицо изменилось, причем столь сильно, что люди стали его бояться. Увиденное им обладало невероятной интенсивностью. Вельфлин¹⁴ – старейший источник, которым мы располагаем на сегодняшний день, – пишет:

Все приходившие к нему с первого взгляда преисполнялись жуткого страха. Сам он объяснял это тем, что видел пронизывающий свет, напоминающий человеческое лицо. Видение было столь устрашающим, что он боялся, как бы его сердце не разорвалось на части. Охваченный ужасом, он тут же отвернулся и упал. Вот почему отныне его собственное лицо стало страшно для других.

¹⁴ Это видение по праву сравнивали¹⁵ с апокалипсическим образом Христа, описанным в Откровении Иоанна Богослова (1:13). По своей отвратительности и необычности его превосходит лишь чудовищный семиглазый агнец с семью рогами (там же, 5:6). Крайне трудно увидеть связь этой фигуры с евангельским Христом. По этой причине ранние источники толковали видение брата Николая строго определенным образом. В 1508 году гуманист Карл Бовиллус (Шарль де Бовель) писал своему другу:

Я хотел бы рассказать тебе о лице, который привиделся ему на небе в звездную ночь, когда он предавался молитве и созерцанию. Он увидел голову человека с ужасным лицом, полным гнева и угрозы¹⁶.

¹⁵ Это истолкование вполне соответствует современному развернутому описанию на основе Откровения Иоанна Богослова 1:13¹⁷. Также не следует забывать и о других видениях брата Николая, например Христа в медвежьей шкуре; Бога Отца, Бога Сына и Богородицы (в данном случае в образе Сына был сам брат Николай) и т. п. Им всем присущи черты, крайне далекие от догматов христианства.

¹⁶ С вышеописанным видением традиционно связывали изображение Святой Троицы в заксельнской церкви, а также символ колеса в так называемом «Трактате паломника»¹⁸. Брат Николай, как известно, показал рисунок колеса навестившему его паломнику. Очевидно, оно занимало его некоторое время. Бланке полагает, что, вопреки традиции, между видением и изображением Троицы нет никакой связи¹⁹. На мой взгляд, подобный скептицизм заходит слишком далеко. Интерес брата Николая к колесу должен иметь основания. Подобные видения часто вызывают смятение и дезинтеграцию (сердце, «разрывающееся на части»). Опыт

¹⁴ Генрих Вельфлин, также известный как Lupulus, родился в 1470 г. Гуманист, преподаватель латыни в Берне. Цит. по: Fritz Blanke, *Bruder Klaus von Flüe*, стр. 92 и далее.

¹⁵ Там же, стр. 94.

¹⁶ *Ein gesichte Bruder Clausen ynn Schweytz und seine deutunge* (Wittenberg, 1528), стр. 5. Цит. по: Alban Stoeckli, O. M. Cap., *Die Visionen des seligen Bruder Klaus*, стр. 34.

¹⁷ Б. Лаво (Lavaud, *Vie Profonde de Nicolas de Flüe*) проводит аналогичную параллель с текстом из *Horologium sapientiae* Генриха Сузо, в котором апокалипсический Христос предстает в виде разгневанного мстителя, что резко контрастирует с Христом, читающим Нагорную проповедь. [См.: Сузо Г. *Книжица вечной премудрости*. – Примеч. пер.]

¹⁸ *Ein nützlicher und loblicher Tractat von Bruder Claus und einem Bilger* (1488).

¹⁹ Blanke, стр. 95 и далее.

подсказывает нам, что защитный круг, мандала, является традиционным средством против хаотических состояний духа. Вполне понятно, почему брат Николай был очарован символом колеса. Истолкование ужасного видения как богооткровенного не должно быть также далеко от истины. Связь видения и изображения Троицы в Заксельне, а также связь их обоих с символом колеса, таким образом, кажется мне весьма вероятной, если исходить из психологических соображений.

¹⁷ Это видение было, несомненно, страшным и крайне волнительным. Оно прорвалось в религиозное мирозерцание брата Николая без всякой догматической подготовки и без экзегетического комментария. Разумеется, потребовалось длительное время для того, чтобы оно ассимилировалось – уложилось в общую структуру психики, и восстановилось нарушенное психическое равновесие. Брат Николай свыкся с этим переживанием благодаря непререкаемым в то время христианским догматам, превратившим нечто ужасное и живое в прекрасную абстракцию идеи Троицы. Однако это примирение могло произойти на иной основе – основе, предусмотренной самим видением и его неестественной реальностью. Это могло привести к искажению христианских представлений о Боге и нанести еще больший вред самому брату Николаю, который в таком случае оказался бы не святым, а еретиком (если не психически больным) и, вероятно, закончил бы жизнь у позорного столба.

¹⁸ Данный пример свидетельствует о ценности догматического символа: он делает потрясающий, в высшей степени убедительный и важный психический опыт (так называемое «переживание Божественного») доступным нашему пониманию, при этом не только не искажая его сущности, но и не умаляя его чрезвычайной значимости. Видение гнева Божьего, которое мы также встречаем у Якоба Беме, плохо сочетается с новозаветным Богом – любящим Отцом Небесным, и по этой причине легко могло стать источником внутреннего конфликта. Это вполне бы соответствовало духу того времени – концу XV века, эпохи Николая Кузанского, чья формула «*conplexio oppositorum*» фактически предвосхитила неизбежный церковный раскол. Вскоре после этого произошло возрождение яхвистического представления о Боге в протестантизме. Яхве – концепция Бога, содержащего противоположности в еще не разделенном состоянии.

¹⁹ Брат Николай сошел с проторенной колеи обычаев и привычек. Он оставил дом и семью, много лет жил в одиночестве. Он глубоко заглянул в темное зеркало и увидел в нем чудесный и страшный свет изначального опыта. В этой ситуации развивавшийся на протяжении многих веков догматический образ божественного сработал как спасительное лекарство. Он помог ему ассимилировать фатальное вторжение архетипического образа и тем самым избежать внутренних противоречий. Ангелусу Силезиусу повезло меньше: его мучил внутренний конфликт, ибо в его время гарантированный догматами авторитет церкви уже пошатнулся.

²⁰ Якоб Беме также говорит о Боге как об «Огне гнева», *Deus absconditus*. Ему удалось преодолеть глубинное и мучительное противоречие с помощью христианской формулы «Отец – Сын» и спекулятивно включить ее в свое гностическое (но в основных пунктах все же христианское) мировоззрение. Иначе он стал бы дуалистом. Кроме того, ему на помощь пришла алхимия, в которой уже давно подготавливался союз противоположностей. Тем не менее его мандала, отражающая природу божественного (приведена в трактате «Сорок вопросов о душе»²⁰),

²⁰ Лондон, 1647.

содержит отчетливые следы дуализма. Мандала поделена на темную и светлую полусферы, развернутые в противоположные стороны²¹.

²¹ Догматы замещают коллективное бессознательное, формулируя его содержание в большом масштабе. В этом смысле католическому образу жизни абсолютно чужды психологические проблемы. Почти вся жизнь коллективного бессознательного регулируется догматическими архетипическими представлениями и протекает в жестких рамках символики веры и ритуала. Это проявляется в обращенности католической психики вовнутрь, ее замкнутости в духовном мире. Коллективное бессознательное, каким мы понимаем его сегодня, ранее никогда не принадлежало сфере «психологии», ибо до христианской церкви существовали античные мистерии, которые в свою очередь восходят к первобытному неолиту. У человечества никогда не было недостатка в могущественных образах, обеспечивающих магическую защиту от всех жутких вещей, которые таятся в глубинах нашей психики. Фигуры бессознательного всегда находили выражение в защитных и целительных образах и тем самым выносились в лежащее за пределами психики космическое пространство.

²² Иконоклазм Реформации, однако, буквально пробил брешь в защитной стене священных образов; с тех пор они рушились один за другим. Они начали вызывать сомнения, ибо вступили в конфликт с пробужденным разумом. К тому же люди давно забыли их истинный смысл. Впрочем, забыли ли? Может, мы вообще никогда не знали, что они означают? Может, человечество (во всяком случае та его часть, которая исповедует протестантизм) наконец осознало, что на самом деле мы не имеем ни малейшего представления о том, что следует понимать под Непорочным Зачатием, божественностью Христа или Святой Троицей? Кажется, будто эти образы просто жили; их существование принималось без сомнений и раздумий; люди относились к ним так же, как к украшению рождественской елки или крашеным пасхальным яйцам, — совершенно не понимая, откуда эти обычаи взялись. Впрочем, мы никогда не задаемся вопросом об истинном значении архетипических образов именно потому, что эти образы полны смысла. Время от времени боги умирают — люди неожиданно обнаруживают, что они ничего не значат, что они созданы человеческой рукой, что они суть бесполезные идолы из дерева и камня. В действительности же человек вдруг понимает, что ранее совершенно не задумывался о них. Когда же он начинает о них думать, то прибегает к помощи так называемого «разума», который на деле представляет собой лишь совокупность его предрассудков и близоруких взглядов на мир.

²³ История протестантизма — это история хронического иконоклазма. Одна стена рушилась за другой. Разрушение давалось легко, особенно после того, как был подорван авторитет церкви. Мы все свидетели, как в большом и малом, в целом и в частностях он рушился кусочек за кусочком, пока наконец не наступила ужасающая символическая нищета, характеризующая современную жизнь. Вместе с тем ослабли и силы церкви: она превратилась в твердыню без бастионов и казематов, в дом с рухнувшими стенами, открытый всем ветрам и опасностям.

²⁴ Хотя это, строго говоря, весьма прискорбное крушение, оскорбляющее наше чувство истории, распад протестантизма почти на четыре сотни деноминаций является верным признаком внутреннего беспокойства. Протестант ввергнут в состояние незащитности, которое ужаснуло бы любого естественного человека. Его просвещенное сознание, разумеется, не желает ничего об этом знать и всюду ищет то, что утратило в Европе. Мы ищем действенные

²¹ См. мой очерк «Об эмпирике процесса индивидуации» ниже.

образы, мыслеформы, способные унять беспокойство сердца и разума, и находим сокровища Востока.

²⁵ Само по себе это не вызывает опасений. Никто не принуждал римлян импортировать азиатские культы оптом. Если христианство в самом деле было бы – как сейчас часто говорят – «чуждым» германским народам, они бы с легкостью его отбросили, чуть только поблек престиж римских легионов. Но христианство осталось, ибо отвечало имевшимся архетипическим образам. Спустя многие века оно превратилось в нечто такое, что немало удивило бы его основателя, будь он жив. Повод для исторических размышлений дает и христианство у негров и других темнокожих обращенных. Почему бы тогда Западу не ассимилировать восточные формы? Римляне, например, регулярно наведывались в Элевсин, Самотраки и Египет, где проходили местные обряды посвящения. Что касается Египта, то в этом отношении его можно считать подлинной колыбелью религиозного туризма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.